

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ВСТРЕЧИ У ЗАБОРА

В поселке Комарово есть улица, на которой расположены рядом дачи трех знаменитых кинорежиссеров, без фильмов которых невозможно представить историю отечественного кино. Это дачи Надежды Кошеверовой, Иосифа Хейфица и Григория Козинцева.

Н.Кошеверова: «В последние годы мы жили рядом в Комарово, встречались чуть не каждый день. ... Бывать у Григория Михайловича дома было наслаждением. В общении с друзьями Григорий Михайлович был примером чуткого внимания, полной искренности и бесконечной доброты».

И.Хейфиц: «Мне повезло: наши стандартные дачи, «стандарашки», как мы их называли, стояли рядом, отгороженные невысоким штакетником. В гости друг к другу мы ходили редко, щадили отдых – то у Козинцева, то у меня стучала пишущая машинка или была тишина, драгоценная после сумятицы съемок или утомительной самоподготовки. Но очень часто мы встречались на нейтральной почве, у границ дачных участков, у штакетника. Они так у нас и назывались: встречи у забора. У низкого забора стоять было удобно, можно было облокотиться, неприступно беседовать».

22 марта 2010 года Григорию Михайловичу Козинцеву исполняется 105 лет. Его уже

«Художник не умирает естественной смертью и не кончает жизнь самоубийством. Его убивает время».

Григорий Козинцев. Запись в дневнике.

давно нет с нами. Именно в Комарове случилась его последняя болезнь, отсюда его повезли в Ленинград, где он скончался 11 мая 1973г.

Сын режиссера вспоминает:

«Когда он ехал в машину скорой помощи из Комарова в Ленинград – в последний раз в своей жизни – врачи дали ему вдохнуть веселящего газа, после чего спросили, как он себя чувствует. Отец, в полусознании, вежливо улыбнулся: «Спасибо, ничего». Врачи тоже улыбнулись: «Другие обычно матерятся».

Этот воспитанный, тонкий, деликатный человек, которого Евгений Львович Шварц называл «помесь мимозы и крапивы», был верен себе и перед концом.

ШЕКСПИРОВСКИЕ СТРАСТИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ни для кого не секрет, что советская культура в своем существовании испытала давление такой силы, какой, пожалуй, не знала ни одна культура. Человек, если он хотел состояться в искусстве советского времени, вынужден был играть по назначенным правилам или уйти из профессии. Но суть искусства требует от автора искренности, иначе покидает вдохновение. И настоящий художник попадал в то полузадушенное состояние, в котором невыразимое его разрывало, а говорить своим голосом практически не давали. Слово человека держат за горло, а он пытается петь. К каким психологическим и физическим последствиям это приводило, понятно. Люди, работавшие в кино, оказывались в особом положении. И потому, что кино назначили главным орудием пропаганды, а значит, подвергали особо пристальному кон-

тролю, и потому, что кино – это целое производство, организовать которое очень трудно, и от кинорежиссера требуются особые качества руководителя коллектива.

Козинцев прожил жизнь своего века, с присущими ему заблуждениями и поздним горьким раскаянием. Он был тонкокожий, всё происходившее отзывалось на нем сполна. Достаточно прочесть изданную его вдовой книгу «Черное глухое время», куда вошли отрывки из его дневников, не попавшие по цензурным соображениям в его знаменитый пятитомник. Читать этот текст трудно, кажется, что страницы сочатся кровью. И это пишет как бы обласканный властью режиссер, лауреат множества премий... После этой книги не удивляет язва, бывшая у Козинцева, и его инфаркт.

Сталинская система, наделив художников работой, дачами, пайками, требовала платы – соответствующей идейной продукции. А чтобы особо самостоятельные были кровно заинтересованы, брали заложниками родных. Так, Лев Гумилев расплатился четырьмя посадками за родство с Ахматовой, а Козинцев был связан годами заключения тещи.

КОЗИНЦЕВ И ШОСТАКОВИЧ

Известна дружба между Козинцевым и Шостаковичем. Но это была не просто привязанность.

«Дружба Шостаковича с Козинцевым была особой. ... Когда они встречались, их разговоры всегда были очень интересны и серьезны, и никто из нас в них не вмешивался; хотя и очень интересно было бы послушать их, мы старались оставлять их вдво-

ем. Я вспоминаю уже последние годы, в Комарово. Когда приезжал туда Шостакович, он обязательно встречался с Григорием Михайловичем, и снова они подолгу беседовали вдвоем».

Так вспоминает Надежда Кошеверова, сама дружившая с Козинцевым, работавшая с ним еще со времен молодости. Но даже она не догадывалась о той степени доверия, которое питал абсолютно закрытый и осторожный Шостакович к Козинцеву. Об этом рассказала вдова режиссера. Она вспоминала, что именно несчастье с ее матерью заставило Шостаковича быть более открытым с ними обоими. Поэтому, когда в недавнее время стало известно подлинное отношение Шостаковича к советской системе, и многих это поразило и даже заставило возмущаться, для Валентины Георгиевны ничего нового не открылось. Фильмы-киносимфонии, поставленные Козинцевым по трагедиям Шекспира в сотрудничестве с Шостаковичем («Гамлет» и «Король Лир») отражали их общую точку зрения на путь человека через страшное время.

Так, блоковскими словами, определял Козинцев судьбу своего поколения. Это было поколение людей, с детства избранных историей. Она дала им шанс – и они воспользовались им. Казалось, с переворотом всей российской жизни в 1917 году наступит свобода, полная возможность реализации – в разных сферах. Для многих новых людей так и оказалось. Сын режиссера пишет: «Он многократно повторял – и в этом я нисколько не сомневаюсь – что молодость была самой яркой и счастливой порой его жизни. Более того, верность «веселой звезде двадцатых годов» отец сохранил до самого конца».

Этот соблазн нового, неограниченной свободы самовыражения захватил умы многих художников, значительно более зрелых, чем Козинцев, которому в 17 году было всего 12 лет. Блок, Мейерхольд,

Маяковский, Альтман и многие другие, которым потом за эту свободу пришлось заплатить страхом, немотой и жизнью... Но это потом. А тогда уже в 19 лет Козинцев стал руководителем театральной мастерской ФЭКС (Фабрика экспериментального актера), признанный талант, даже авторитет. Революция в жизни и умах делалась при помощи совсем молодых людей (вспомним судьбу Аркадия Гайдара). За безграничную свободу многим пришлось заплатить безграничным страхом.

КРУТИТСЯ ВЕРТИТСЯ ШАР

За «Трилогию о Максиме», рабочем парне с питерской окраины, Козинцев стал лауреатом Сталинской премии первой степени. Ясно, что диктатор был доволен режиссером. Но удавка на шее переносилась Козинцевым тяжело. И тогда он ушел в театральную режиссуру, ставя шекспировские трагедии, созвучные духу времени накалом страстей. В театре под защитой классической пьесы можно было быть свободнее. Недаром декорации Натана Альтмана к постановке Козинцевым «Короля Лира» в 1941 году изображали виселицы. Много позднее Козинцев напишет книгу, назвав ее «Наш современник Вильям Шекспир». Для него самого это так и было. Через Шекспира он исповедовался миру, с которым состоял в постоянном конфликте. Отличавшийся повышенным уровнем чувства справедливости, остро переживавший жестокость времени, умевший радоваться успехам молодых талантов (он защищал фильм Тарковского «Андрей Рублев»), Козинцев был поистине благородной натурой, обладавшей целомудренной душой рыцаря. Он поставил фильм «Гамлет», поразивший даже англичан, а завершил свой путь фильмом «Король Лир», в котором серые от пепла люди бредут по мертвой земле, – итог размышления режиссера о трагической истории XX века.

Ирина Снеговая